

Эксперт Российского института стратегических исследований (РИСИ) **Галина Хизриева** побывала в Сургуте на конференции мусульманской молодежи. Занимая высокую должность, она остается мусульманкой. И здесь интересы государства и личные соединились. Она исследует проблему ваххабизма в мире и стране, и ищет пути защиты традиционных мусульман от этой страшной заразы. После поездки в Сирию, где ваххабиты ведут военные действия, Галина создала фильм, рассказывающий страшную правду о безумных радикалах, прикрывающихся Исламом.□

- В обществе реально ощущается исламофобия. Традиционные мусульмане говорят, что вызывают эти настроения ваххабиты, которые с криками "Аллаху акбар!" совершают теракты.

- С чего начинают молитву мусульмане сунниты? Они говорят: **"Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!"**

. Каждый день, становясь пять раз на намаз, мусульманин повторяет слова о любви и милости. Это становится для нас руководящим направлением в жизни. Но если человек, который встает с моленного коврика, произнесет эти слова, а затем берет в руки оружие и убивает людей, то проблема не в Исламе, а проблема в этом человеке, в этом конкретном мусульманине, проблема его веры и идеологии. Идеология как ложная форма религиозного сознания может преобразить человека до неузнаваемости.

Такому мусульманину должно быть сделано увещание, а если он не понимает по-хорошему, то неизбежно наступает наказание. Такие мусульмане должны уйти с арены исламского просвещения. Однако сказать, что ваххабит не мусульманин я не могу. О вере человека решает Аллах. **- В Казани был закрыт скандално известная мечеть "Аль-Ихлас", где собирались экстремисты. Как Вы это прокомментируете?**

- Имам мечети "Аль-Ихлас" никогда не отказывал своих взглядов и позиционирует себя как член "Хизб-ут-Тахрир". Эта партия в России находится под запретом. Однако это не мешает членам этой партии вести пропаганду. Члены этой партии находятся и в Сургуте. Тот факт, что сейчас в Сургуте появляются сайты, на страницах которых партийцы мирового хизба открыто признаются в том, что они здесь ведут свою работу, должно насторожить общество. Не надо рассуждать о Казани, обратите внимание на Сургут.

Мусульмане, вокруг которых происходит пропаганда ваххабизма в любой форме, тоже не должны молчать. Не должно быть ложной мусульманской скромности: я сдам своего единоверца. В данном случае это уже не брат по Исламу, это опасный идеолог, провокатор и враг мусульман. Завтра он придет к вам и втянет вас в свою партию. Это задача общества, и самой нашей уммы - очищать свои ряды от провокаторов. Кроме нас самих, никто этим, похоже, заниматься не хочет, не может и не будет.

- А как допустили в округе распространение таких радикальных течений?

- Округ живет в едином экономическом, политическом, законодательном и правоприменительном пространстве страны и ничем в этом смысле не отличается от остальной России. Разве что уровнем угрозы. У меня больше возникает вопросов к региональной власти тех республик, где Ислам является основной религией большинства населения: Татарстане, Дагестане, Башкортостане. Если там власть не может справиться с этой проблемой, то ничего удивительного, что ваххабизм распространяется и в Югре. Наши регионы тесно связаны человеческим и профессиональным ресурсом. Это нефтяные регионы.

Когда округ развивался, эта проблема не была главной. Может быть, поэтому ее и упустили. Зато в округе не упустили много других вещей: отличное состояние дорог, высокая трудовая занятость населения, великолепная инфраструктура. Я приезжала сюда 20 лет назад, и помню, что здесь было. Теперь это другой мир, очень привлекательный для всех, в том числе и для криминала.

- Когда это тема появилась впервые?

- В то время, когда страна вела изнурительное противостояние радикализму и терроризму на Юге: горячие точки в Чечне, Дагестане, – все это, как не странно, отразилось на этно-демографическом составе округа. Люди бежали от войны, искали работу и оседали в Югре. Внесли свой вклад очень хорошие программы поддержки молодой семьи, когда округ предоставлял жилье молодым родителям. Округ является первым после Дагестана по рождаемости, это очень хороший показатель. Но многодетные семьи все же не у русских, и не у татар, а у тех людей, которые знают цену мирной и спокойной жизни – мои единоверцы и соотечественники. Эти семьи получают квартиры и поддержку, становятся солидной частью укорененного населения округа. Кто-то говорит, что не нужно было этого допускать. Я считаю, что политика округа и не могла быть другой. Для того, чтобы создать те блага, о которых мы уже говорили, нужны были рабочие руки, и желательно, чтобы они были из России. Объединившись с мусульманами-тюрьками вновь приехавшие старались поднять и свою традиционную духовность, в основе которой лежит ислам.

Когда начались жесткие преследования мусульманских радикалов в Дагестане и Чечне, этот контингент потянулся в Югру, потому что здесь уже были земляки, общины, мечети, почва для пропаганды и, главное, здесь легко затеряться. Территория большая, много отдаленных пунктов: поезжай в Березово, в Советский, Покачи, устраивай там свою организацию, проповедуй, что хочешь.

- Почему не реагировали спецслужбы?

- А какие у спецслужб есть инструменты для борьбы с этим злом? Тех, что есть, явно не достаточно. Нет развитого законодательства, которое бы запрещало эту деятельность. По сути, у нас мало кто профессионально противостоит ваххабитам, хизбам, таблигитам. А люди в органах не всегда подготовлены в этих вопросах: им что шиит, что хизбовец,

что ваххабит, что суфий – разницы нет. А разница-то на самом деле есть! И огромная. Есть у нас случай, когда парень, исповедовавший мирный суфизм сидит, а ваххабит, с которым у него возник конфликт – гуляет на свободе. И ничего мы сделать не смогли. У нас демократия, то есть прекраснородное представление о том, что во внутреннем конфликте мусульман не важно, кого посадить и что все само собой рассосется.

- Что можно делать сейчас? Муфтии и имамы говорят о финансовой поддержке традиционного Ислама, Вы согласны с этим?

- Есть и такая задача. Не знаю, как там насчет финансовой поддержки, но без государственной поддержки традиционного Ислама в той или иной форме, без постоянных выступлений перед мусульманами, без поездок с лекциями в города и отдаленные поселки, без подготовки традиционных имамов, без работы с членами мусульманских общин, без восстановления культурных и политических традиций наших мусульман, без возрождения местной богословской мысли - изменить ситуацию невозможно. Мое предложение – создать в округе базу независимых московских экспертов, и эта постоянно действующая площадка смогла бы оказывать помощь всем. Включая, конечно, и официальные структуры. Главное же наша задача - вести просветительскую работу, помогать имамам работать с населением. На этой площадке люди смогут выговориться открыто, могут дать оценку деятельности религиозных организаций, дать общаться молодежи, студентам, разъясняя позиции традиционного ислама и ограждая общины от ваххабизма.

- Почему очень скудную информацию дают местные службы, призванные заниматься этим?

- Давайте порассуждаем по государственному, а не как обыватели. Люди считают, что власти лишь бы было тихо и неважно какой ценой. Как обыватель, я тоже так считаю. И отчасти оно так и есть. Но только отчасти. Проблема вот в чем: у нас принята концепция так называемого "устойчивого развития" регионов. Мое мнение состоит в том, что она не отвечает уровню новых внутривполитических угроз и стала тормозом развития регионов. Но как поменять эту концепцию и на какие новые подходы – это вопрос. Если все случаи проявления ваххабистской и иной экстремистской деятельности будут публиковаться в СМИ, то это будет, согласно действующей концепции, называться разжигание межнациональной и межрелигиозной розни. Вообще-то по этой статье можно плотно сесть за решетку. А за ваххабизм тебя никто не посадит. И что самое интересное: разжигание действительно будет иметь место. У нас свободная пресса и она назовет фамилии. А у мусульман они не всегда русские, не так ли? Как только это произойдет, то сразу же активизируются диаспоры, правозащитники, различные люди "доброй воли", независимые журналисты и гражданские активисты, которые мало понимают ситуацию, но которые начнут защищать не террористов, конечно, а честь и достоинство своих народов и демонстрировать важность своих организаций, или обозначать свои персоны за счет этой темы в общественно-политическом пространстве региона. Поэтому вся информация и находится под грифом "секретно" и "для служебного пользования". Получается, что у нас выявилась серьезная коллизия, которая тормозит дальнейшее развитие общества – коллизия между уровнем угроз, публичности этой угрозы и

концепцией устойчивого развития регионов, принятой на вооружение весьма давно. В ней заложен порочный механизм ответственности главы региона за все, что в нем происходит. Возникает потребность договариваться, не акцентировать угроз и загонять проблему вглубь.

А воздействовать на эту ситуацию силовики не могут. Силовики не пишут законов и не вырабатывают концепций. У них другие задачи. Они должны действовать по Закону. Самодеятельность спецслужб – это служебное преступление. В Азербайджане, в Казахстане, в Сирии есть законы, запрещающие деятельность радикальных группировок и даются реальные сроки их проповедникам. Только приняв такой закон, Сирия смогла начать восстанавливать конституционный порядок. Но случилось это поздно. А в России такого закона нет. Нужно разрабатывать законодательную базу. Но эти компетенции в ведении федеральных, а не региональных органов законодательной власти. Региональная власть даже не может в гражданстве отказать явному проповеднику радикализма и ваххабизма, как это, собственно, и произошло недавно в Ханты-Мансийске. Не нашли законного повода в отказе. Вот поэтому здесь такие элементы и оседают.

– Почему депутаты не примут такой закон?

– На территории России в Республике Дагестан был принят региональный закон, запрещающий ваххабизм, и реакция последовала. Создатели этого документа были просто убиты. Думаю, что в Югре не надо идти по этому пути. Нужно дожидаться федерального закона и работать с ним. А вот инициировать такой закон или поддержать его разработчиков вполне уместно.

По поводу местных депутатов, что в городских думах разные депутаты сидят и по-разному относятся к этой проблеме. Я уверена, что силовики об этом знают и держат ситуацию под контролем. Однако их руки повязаны: без законодательной базы, которая соответствует уровню угрозы, они ничего сделать не могут. А угроза сейчас нависла реальная.

– У нас в городе прошло несколько операций по зачистке рынков. Как Вы их оцениваете?

– Я живу в Москве, поэтому уже не имею возможности, как это было раньше, детально следить за тем, что происходит в Сургуте. При этом я очень высоко оцениваю работу силовиков: она опасная, непубличная, трудная. И я вижу, что она согласованная. В Москве тоже демонтируются многие рыночные площадки. То, что силовики отслеживают очаги неблагополучия, реагируют на какие-то изменения, уже радует. Даже в отсутствие хорошей законодательной базы они находят рычаги воздействия на ситуацию. Рынок возле нашей необыкновенной красоты мечети в Сургуте, был далеко не самым приятным местом. Там было кафе, где разве что не выдавали оружие. Во всяком случае, костюм пакистанского "моджахеда" там можно было купить легко. Власть с этой проблемой справилась.

У меня есть информация по такому случаю: человек находится в местах заключения и начинает проповедь "джихада". И вдруг у него появляются большие суммы на телефоне, какие-то девушки переправляют ему средства связи и деньги, с воли приходят книги, якобы, исламского содержания, он начинает играть роль тюремного интеллектуала и проповедника, у него поднимается авторитет, собирается тюремный "джамаат" - община. Потом он и его адепты оказываются в Дагестане, Сирии, Пакистане. И не одни. Тащат туда своих "жен". Часто эти жены неопитки из немусульманских семей. С этой проблемой руководство тюрем не знает, как и бороться.

Делая вывод, можно отметить, что эта проблема охватывает практически все слои нашего общества, и решать ее нужно незамедлительно.

- Спасибо большое за интересный разговор.

Беседовала Надысова Ольга